

ПРОДАННЫЙ СМЕХ

Мария ЖЕЛЕЗНОВА

Вячеслав Полунин нашел мельницу
своей мечты в Париже

Обычно он врет, что черпает вдохновение в подушке, которую повсюду возит с собой. А еще что любит подглядывать сквозь щели в заборе за пьяницами, которые не думают, что о них думают остальные. И по пьяной широте души, обращаясь к миру, превращаются в самых обаятельных клоунов на свете. Каждая минута нашей жизни, говорит он, должна стать фактом искусства. Грани между жизнью и театром — нет. Самое серьезное занятие на свете — валять дурака, а единственное учебное заведение, которое стоит заканчивать нашим детям, — это Акадура, Академия Дураков, которую возглавляет Слава Полунин, самый известный клоун в мире из России, знаменитый Асисей.

Мы валяли с Полуниным дурака. Валяли из снега. Нет, не так. На самом деле мы лепили с Полуниным снежных баб. Тридцать взрослых дядь и тетей делали рядом с нами то же самое. Дорога возле Театра Вахтангова становилась все уже. Вместо рук бабам вставляли веточки, вместо носа втыкали морковки.

— Завтра к утру снеговиков вокруг театра станет больше, — сказал Полунин.

— Для этого всю ночь лепить придется.

— Нет нужды. Они сами расплывутся. У них есть все, что для этого нужно. Вот снежная баба, а вот снежный дед. К утру появятся снежные внуки. Все, как у взрослых. Ты чего смеешься? Не смейся.

Полунин надел на голову ржавое ведро.

— Так я умнее выгляжу? Нет, да? Понял. Импровизация-то неподготовленная. Смотри, — Слава показал на кусок морковки, торчащий у бабы из глаза. — Вчера это было носом, но, видимо, ночью кому-то понадобилось закусить. И сегодня получился уже зрачок. Народ к моркови потянулся. Авитаминоз.

Слава сделал глоток глинтвейна. К нему тут же подошла девочка и голодными глазами уставилась на стакан. Слава дипломатично (педагогично) переложил стакан в другую руку, подальше от девочки.

— А что это такое? — указал он на снежную бабу, у которой между головой и туловищем девочка прилепила комок снега.

— Это рука, — ответила девочка.

— А-я-яй, — покачал головой Полунин. — А я

«Мы все время переезжали с места на место, поэтому для моих детей двором стала вся Европа. Они говорили примерно так: «Берлин — это там, где я упал с дерева. Париж — где девочка мне подарила комиксы с картинками. А Барселона — там, где я бегал на соседнюю улицу купаться».

звездный бульвар

думал, что это прыщик. Или еще что-нибудь. — Он хитро посмотрел на стоящую рядом женщину. — По-моему, неплохо получается... Не поверишь, снег так радостно видеть. Предыдущие несколько лет мы Новый год отмечали только в жарких странах. Получался какой-то неправильный Новый год. Праздник был, а снега не было. И такая ностальгия одолела. Дети стали говорить, как это здорово, когда есть снежные бабы. В общем, когда мы наконец добрались до России, выяснилось, что и здесь нет снега. Пришлось делать искусственный.

— Где вы отмечали европейский Новый год?

— На крыше.

— Это вы специально, чтобы напугать вашу жену и детей?

— Да.

— На чьей крыше?

— На голландской.

— С Карлсоном и пропеллером?

— Нет. Но тоже с самым замечательным человеком на свете. Это наш друг. Приехали к нему, он нас потащил на крышу — город показать. Эффект невероятный.

— Сейчас попробую догадаться какой: вы чуть не свалились?

— Нет. Чуть не сгорели. Весь город был в огне. Это у них что-то вроде национального спорта. Целый декабрь голландцы скупают петарды — от маленьких до вот таких огромных, — пока во дворе каждого дома не образуется что-то вроде склада Пентагона. 31 декабря, как только стемнеет, склады отпирают, и петарды запускают в воздух. Город погружается в огонь. Крышу сносит начисто. Все пьют, смеются. За всю ночь только три каких-нибудь мелких пожара. Ни одной драки! Представляешь? Как им это удается? Загадка.

У Полунина есть любимая теория: "золото" намывается годами — настоящий клоун может придумать не больше трех минут гениальной пантомимы в год. Знаменитый номер "Асисяй" появился в 1981 году. Теперь у Славы такого "золота" на 90 минут.

Илья Тасс

Сергей ПЕТРУХИН / 7 дней

— Значит, вы в огне не горите?

— И в море не тонем. Хочешь историю про паром? Плыдем мы как-то из Англии в Ирландию на пароме. И попадаем в жуткий шторм. А дальше началось, как в немом кино. Корабль качает из стороны в сторону. Все летит вверх тормашками. Посуда — на полу. Ад на небесах, магазин "дьюти-фри" — на земле. Весь товар, что там был, — духи, одеколон, алкоголь, — все вдребезги. Мы успели добраться до буфета, сели, заказали выпить. Лучшее средство против качки снаружи — шторм внутри. Официанты налили нам в бокалы и собираются подать нам все это на столик. Но не могут. Паром качает из стороны в сторону. Мы то взлетаем под небеса, то падаем куда-то глубоко вниз. Официанты ждут, когда корабль накренится в нашу сторону. Тогда они, как с горки, бегут к нам, но не успевают затормозить у нашего столика и пробегают мимо. Снова бегут — опять не могут затормозить, но каким-то непостижимым образом успевают поставить на наш столик бокалы, которые, понятное дело, уже почти пустые. Мы заказываем выпивку по новой, и уникальный номер с эквилибром повторяется снова. Мы все хотим, а официанты творят чудеса. И так с каждым клиентом.

Лена Ушакова — жена Славы Полунина. Считает, что в женщинах ее муж ценит "славость", тогда как сам Слава считает, что самое ценное в дамах — слабость. Мужчину тянет помочь даме.

Слава любит сочинять сказки про снежных баб и про чудовищ. Называет это враньем. Говорит, что врет ежедневно и с удовольствием, потому что вранье и есть самая главная суть жизни. Такой, какой она должна быть, а не такой, какая она есть на самом деле.

— А медные трубы?

— Медные трубы? Были. В Нью-Йорке, на гастролях. Там обычно надо ждать, пока новое шоу — еще неизвестное — раскатается, приобретет популярность. А у нас сразу был успех. Может быть, потому что в Нью-Йорке большая русская колония, и они по нам соскучились, сразу повалили. Зал был полон.

— А в глубинке давно были? Российской?

— В прошлом году, в Новосибирске. Кстати, там мы первый раз после долгого перерыва увидели снег. Знаешь, у них такой Театр оперы — огромный, как стадион. Совершенно невероятные примерки, куда многие годы вносили всякую всячину и ничего не выносили. Представляешь, сколько там всего набралось. Именно там исполнилась моя мечта. Я нашел чьи-то белые колготки, натянул их — и как будто снова оказался в детстве. Здорово. Знаешь, маска неузнаваемо меняет человека. Вторая кожа — как вторая душа.

— А вам никогда не хотелось плюнуть на все, пойти куда-нибудь лечь, и чтобы не вы, а вам сделали праздник? А вы бы только смотрели?

— Нет.

— Почему?

— А не люблю, когда мне делают праздник. Один раз сделали. Было так скучно! Еле дождался, пока все закончится. И тогда понял, что нельзя де-

лать праздник для других. Надо делать праздник для себя, тогда и другим будет весело. Однажды я представлял Россию на симпозиуме карнавального движения. Это было где-то на экваторе, и, как всякий нормальный человек, я явился на первый сход в шортах, шлепанцах и футболке, а все остальные были во фраках, смокингах и бабочках. Своего рода карнавал: я и они — непонятно, кто больше дурак. Мне намекнули, что в таком виде, как у меня, мне среди них делать нечего. Тогда я спросил: "А другие есть?" "Есть, — говорят, — на пляже". Я пошел на пляж. Там точно были другие карнавальщики. Они лежали в шортах, шлепанцах, а кое-кто и безо всего. Но что-то странное в них все же было. Лежали как-то уж очень неподвижно. Не карнавально. Тогда я понял, что на них тоже надеты бабочки и смокинги, только другие, невидимые. И все это было грустно. Тогда я подумал: скучным людям надо помочь. Я пошел в море, набрал полное ведро крабов и выпустил их на пляже. Крабы рванули обратно в море прямо по голым телам перпендикулярных членов симпозиума. Вот тут-то и начался настоящий карнавал. С них моментально слетела вся скука. Они проснулись и забегали так, как не бегали, наверное, ни на одном из своих карнавалов. Праздник получился на славу.

— Вы все время устраиваете другим такие праздники?

По словам Полунина, он боится лифтов, высоты, глубины, темноты, ипсрицев и врачей. Обмороки — вообще его любимое занятие. Страх помогает ему заслоняться от мира.

звездный бульвар

«Мы поселились
в центре
планеты.
Справа —
аэропорт,
откуда можно
улететь
в Лондон, слева
— откуда
летают
в Москву.
Неподалеку —
вокзал, откуда
на скоростном
поезде можно
за три часа
домчаться
до любой
европейской
столицы».

— Ага. Однажды мы встречали Новый год в воздухе — в самолете. На высоте двенадцать тысяч метров стукнуло двенадцать раз. Я думаю: какое совпадение! А все сидят какие-то кислые. И тогда один из наших ребят встал и стал кричать: “Рожаю, рожаю!” Пассажиры готовы были его убить, а потом из-под него вылез другой парень и начал кричать: “Я родился, я родился, я — Новый год”, — и пассажиры готовы были его просто растерзать, так он орал. Но это получился настоящий Новый год.

— И как с такой высоты смотрится мир в Новый-то год?

— Как дом. Один большой дом, где нас ждут практически везде. Знаете, мои дети были лишены двора и нормальных детских игр — мы все время переезжали с места на место. Их двором стала вся Европа. Поэтому они говорили примерно так: “Берлин — это там, где я упал с дерева. Париж — это где девочка мне подарила комиксы с картинками. А Барселона — это там, где я бегал на соседнюю улицу купаться”. Если мы где-то остаемся больше чем на три недели, мои сыновья говорят: “Папа, что-то мы здесь задержались, пора в дорогу”.

— Получается, что границы в вашем мире — это двери?

— Да. На запоре. Это как у Алисы из Страны чудес — чтобы попасть из комнаты в комнату, нужно секрет знать, как дверь открывается, какой ключ к ней подходит. Границу с Италией надо пересекать, когда идет футбольный матч. Границу с Германией лучше пересекать ночью, по мосту, когда комаров полчища и нос высунуть нельзя.

— А настоящий дом? Он где-нибудь есть?

— В Париже. Мы там живем. На мельнице. Три этажа. На первом — наш реквизит, все то, что мы возим с собой, и все то, что нужно для нашего мира. На втором — наши друзья, потому что без друзей мы не можем. На третьем — мы сами.

Младший сын Полунина — Ваня, 19 лет. В труппе Полунина играет “зеленого” клоуна, а еще учится в Художественной школе в Нью-Йорке. В этом году Ваня не приехал в Россию, а его старший брат Дима не приезжал в Россию еще дольше.

группа Queen и корпорация Xerox представляют:

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ШОУ

WE WILL ROCK YOU

Театр Эстрады, 17-27 февраля

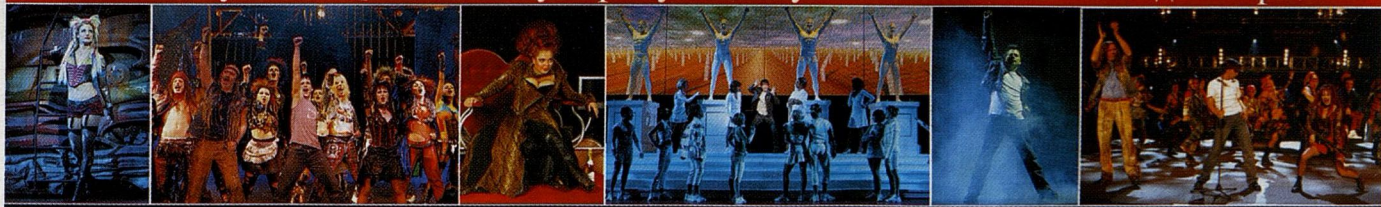
BY QUEEN & Ben Elton

PRESENTED BY XEROX

ПРИСТЕГНИСЬ, УНЕСЕТ!

WWW.ROCKYOU.RU

Живая музыка QUEEN! Суперзвуковая установка за 3 млн. долларов!

ЦЕНТУМ
ПРОДЮСЕРСКАЯ КОМПАНИЯ

CEAMP

PARTER.RU · 258 0000

PARTER

@mail.ru

Noveltec

Досуг
развлечений

ACADEMSERVICE

Radisson

Hotel Baltisches Kempinski

Вместе с актрисой Евдокией Германовой и бывшим телеведущим Шендеровичем Слава отмечал Новый год Петуха в Доме актера. Общение с друзьями Полуниин считает наибольшей ценностью, которой обладает. За кадром осталась итальянский певец Аль Бано, который этого счастья лишен.

— Почему именно мельница?

— Все очень просто. Мы искали такой дом, который бы отвечал трем главным качествам. Чтобы рядом была вода, потом обязательно — лес и, наконец, — горы. Когда мы стали спрашивать, что отвечает этим правилам, выяснилось, что мы ищем мельницу. Холм, на котором мельница, — это гора, дикий лес — это сад, где растут деревья-клоуны, и, конечно же, река.

— А в обычном доме вам никак?

— Ну, ты понимаешь... В маленьких уютных домах нам не хватало места, а в больших — уюта.

— Но мельница — это где-то под Парижем?

— Это неподалеку от парижского "Диснейленда". Мы высчитали, что нам нужно поселиться в таком месте, откуда рукой подать до коммуникационных узлов, которые свяжут нас со всей планетой. Справа — аэропорт, откуда можно улететь в Лондон, сле-

ва — откуда летают в Москву. Неподалеку — вокзал, откуда на скоростном поезде можно за три часа добраться до любой европейской столицы. В общем, мы выбрали такое место, где сходятся воедино маршруты наших путешествий. Дисней был не дурак, когда выбирал место для своего "Диснейленда".

— А как же с мечтой жить в центре Парижа? Д'Артаньян, остров Ситэ...

— Мечта осталась мечтой. Так даже лучше. Есть куда стремиться. Остров Ситэ, Латинский квартал.

— Что помешало планам?

— Мы очень хорошо к нему подготовились. Такой план всегда проваливается. План захвата Парижа был разработан в мельчайших деталях. Рядом с музеем Пикассо нашли потрясающую квартиру. На Монмартре залезли куда-то, где солнце заполняло все пространство. Потом нашли идеаль-

В ЛЮБИМЫЙ ДОМ - ЛЮБИМУЮ ПОСУДУ ИЗ ЧЕХИИ!

АКЦИЯ!

**ФАРФОР
ХРУСТАЛЬ
СТЕКЛО
ПОДАРКИ**

М «Люблино»
рядом с ТЦ «Москва»

М «Ленинский пр-т»
Ленинский пр-т, 35

М «Профсоюзная»
ТЦ «Триумфальный»
ул. Вавилова, 66, 4 эт.

ежедневно с 9.00 до 21.00

Единая справочная 99-555-76

только с 14 февраля по 20 марта
ПОДАРОК ЗА ПОКУПКУ • ДИСКОНТНАЯ КАРТА БЕСПЛАТНО

64 - 21 февраля - 27 февраля

звездный бульвар

«Смех — это вообще занятие серьезное. Помню, когда я был маленький, один генерал, посмотрев, как я смею публику на конкурсе художественности, подошел ко мне и дал самый ценный совет: «Мальчик, в жизни все надо делать серьезно». С тех пор я серьезно отношусь к смеху».

ную крышу — там можно было жить; она принадлежала квартире, что под крышей, но туда надо было подниматься пять-шесть этажей без лифта — старый дом, XV век, представляешь, а у нас ре-квизит! В общем, именно по этим причинам сказка в центре Парижа закончилась сама собой. А потом, то количество друзей, которое к нам приезжает. Такую ораву никакая крыша не выдержит.

— Так много друзей?

— Дружба — это наш основной капитал. Мы без друзей не можем. Гости к нам приезжают ежедневно. Стиральная машина работает круглосуточно! Она просто не останавливается никогда. В общем, нам было нужно три этажа, и ни метром меньше: для нас, для друзей и для наших спектаклей.

— А дети чем сейчас занимаются?

— Младшему Ване уже 19 лет. Он одновременно работает в шоу — играет «зеленого» клоуна — и учится в Художественной академии в Нью-Йорке. А старшему, Димке, 24, он технический директор в нашем же шоу.

— В каком городе вы чувствуете себя ребенком?

— В Нью-Йорке. Это город для очень быстрых и очень молодых духом людей. Для детей, которые смотрят на мир широко раскрытыми глазами. Потому что там на одном квадратном метре проис-

ходит столько событий, сколько не происходит ни в одном другом городе мира. Ну, в общем, это настоящая динамо-машина по созданию суеты.

— Вы вписались в эту машину?

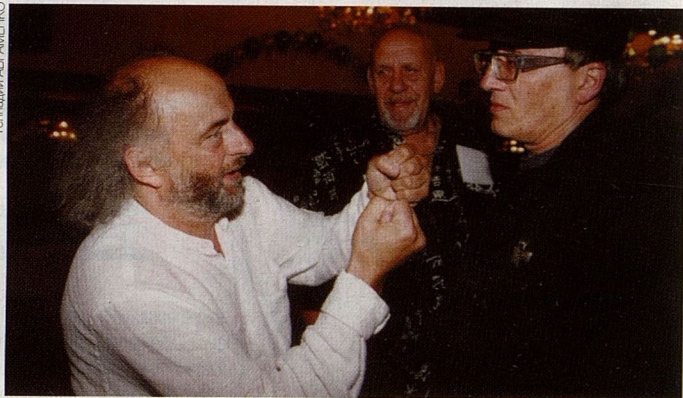
— Легко. И, конечно, сами об этом не догадывались. Нью-Йорк вообще — это такой город, в который, если ты старенький, лучше не соваться, потому что там жизнь не идет, а кипит, взрывается и бурлит, как в чайнике. Чтобы там жить, нужно быть немного сумасшедшим.

— Таким, как вы?

— Ну да.

— ДМИТРИЙ МИНЧЕНКО

С художником
Михаилом Шемякиным
Славу объединяет
страсть к разного рода
милым глупостям.
Больше всего на свете
Полунин любит прыгать
на 2,72 метра, совать
руку в пасть крокодила,
залезать по веревке
на скалу.

Геннадий Абраменко